

Ниман Август

**Питер Мариц - юный бур из
Трансвааля**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А18

А18 **Август Н.**
Питер Мариц - юный бур из Трансвааля / Ниман Август – М.: Книга по Тре-
бованию, 2022. – 224 с.

ISBN 978-5-519-99865-9

ISBN 978-5-519-99865-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

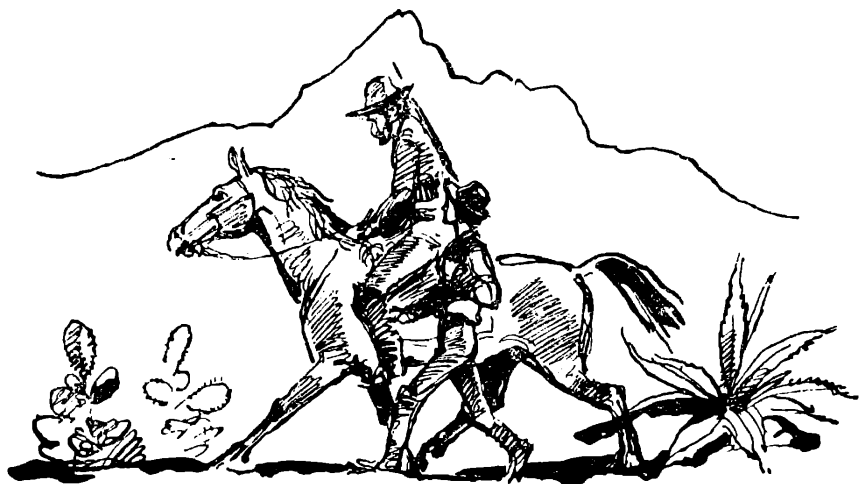
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Смерть отца

В 1878 году, в январе, по долине Нильстрема, к северу от Претории, медленно ехал чернобородый всадник на сильной лошади буланой масти. Рядом, держась за стремя, шагал высокий, стройный юноша, не отрывая тревожного взгляда от всадника. Это был рослый человек в темной блузе, перехваченной поясом из буйволового кожи. На нем висел охотничий нож, за спину было перекинута ружье, через плечо шла перевязь с патронами на груди, на ногах — высокие сапоги со шпорами. Лицо всадника было наполовину закрыто широкополой шляпой, из-под которой виднелась окровавленная перевязка из обрывков грубого холста.

Вдруг всадник пошатнулся. Умная лошадь остановилась.

— Ты слабеешь, отец! — воскликнул юноша.

— Да, силы мои иссякают. Возьми Скакуна под уздцы и веди в Пещеру Смерти. До дому мне не доехать...

Они свернули с дороги в ущелье, и лошадь зашагала по траве, побуревшей от зноя, лавируя между огромными колючими агавами, кактусами и ползучими растениями. Вскоре они свернули влево и, следуя по дну прозрачного звенящего ручья, вступили в гулкую пещеру, из которой вытекал ручей. Их голов почти касались причудливые иглы и стрелы сталактитов, слабый свет просачивался из какой-то трещины в своде пещеры и падал на груды черепов и костей, устлавших все ее дно.

— Помоги мне сойти.

Юноша протянул отцу свою крепкую руку, и раненый, опираясь на нее, с трудом слез с лошади и опустился на влажную почву.

— Дай мне напиться, — сказал он.

Утолив жажду, он долго молчал, потом, медленно раскрыв глаза и тяжело переводя дыхание, проговорил:

— Слушай внимательно, Питер Мариц. Это моя последняя беседа с тобой.

Юноша устремил на отца горящий взор, стараясь запечатлеть в своем мозгу завещание умирающего отца.

— Передай привет матери, братьям и сестрам. Будь честен, мужествен и трудолюбив. Ты получишь в наследство от меня честное имя Бурмана, — не запятнай его трусостью или бесчестьем. Тебе предстоят трудные испытания, и они уже близки. Тучи надвигаются на нашу родину, хитрый и могущественный враг хочет ее поработить...

Он смолк и опять закрыл глаза. Лицо его быстро бледнело... Вдруг он сделал резкое движение раненой головой и раскрыл глаза, внезапно вспыхнувшие огнем.

— Помни: у нас только один единственный враг — это англичане! Ты видишь фану на голове своего отца? Ее нанес мне исподтишка зулус. Он скрылся, мы не ви-

дели его, но я знаю: это зулус. А груды костей вокруг нас — видишь их? Это кости зулусов. Много лет тому назад мы, буры, положили здесь несметное число зулусов. И твой отец — не последняя жертва... Но кто направил на меня руку убийцы? Кто сделал зулусов нашими врагами? Хитрые англичане! Наши единственные враги! Они понимают, что легче справиться в одиночку и с бурами, и с зулусами, и с кафрами, и со свази, и с другими племенами, чем сразу сражаться со всеми. Их стремление ясно: завладеть всей Южной Африкой. Они убаюкают нас сладкими обещаниями и нападут на зулусов. Потом наступит наша очередь. И близок час, когда вам придется вступить в борьбу с войсками королевы¹. Вспомни тогда, сжимая в руках ружье, которое я тебе вручаю, мои последние слова: наш враг — Англия!

— Не забуду! — воскликнул Питер Мариц, склоняясь над отцом, который протягивал ему свое ружье.

Их руки встретились и замерли в крепком, последнем пожатии. Потом рука отца бессильно разжалась, он откинул назад голову, и свистящее дыхание вырвалось из его уст. Минуту длилось напряженное безмолвие... Вдруг по большому телу бура прошла судорога. Мгновение — и перед Питером Марицем лежал бездыханный труп любимого отца.

Он долго сидел в печальном безмолвии, жадно вглядываясь в дорогие черты умершего, перебирая в своей памяти бесчисленные картины совместной счастливой жизни с отцом. Как отец обучал мальчика сидеть верхом на лошади; первые уроки грамоты; как они кочевали в походной повозке по тучным степям и по долинам Трансвааля; как ходили на охоту и отец учил его владеть ружьем — и много-много светлых, безмятежных, счастливых картин пронеслось в его памяти... Теперь все это

¹ В Англии в то время занимала престол королева Виктория.

оставалось позади, и Питер Мариц чувствовал, что для него, старшего в семье, начинается новая, серьезная и ответственная жизнь, полная трудов и опасностей. Но он ни того, ни другого не боялся. С твердой решимостью выполнить завет отца взглянул он в последний раз на дорогое лицо, закинул за спину отцовское ружье и, взяв Скакуна за повод, покинул пещеру.

Перед ним стояла теперь задача — разыскать свою общину, которая перекочевала в новое место за то время, что они с отцом странствовали в горах. Время близилось к вечеру, и приходилось спешить. Он вышел на дорогу, вскочил на коня и повернул его вправо — на тропинку, по которой шел сюда с отцом. Но Скакун заупрямился, уперся всеми копытами в землю и, фыркая, стал подниматься на дыбы.

— Ладно, ладно! — пробормотал Питер Мариц. — У тебя чутье верное.

Он хорошо знал Скакуна и, решив не сопротивляться, свернул влево, в густую чащу.

Тропка извивалась между скалами, поросшими лесом. Навстречу всаднику доносилось фыркание павианов, вскоре превратившееся в какое-то дикое гоготанье. Потом на вершине одной скалы вдруг мелькнула тень огромного павиана, затем другая, третья. И вот они сотнями обступили тропинку. Они гримасничали, скалили зубы, делали вид, что собираются кинуться на него. Юноша снял ружье и направил дуло к ближайшей группе обнаглевших обезьян. Они отпрянули назад. Так, с ружьем наготове, он и подвигался в темневшем лесу, однако не выстрелил, потому что знал нрав этих животных: стоило убить или ранить хоть одного павиана — и они все с остервенением набросились бы на него и растерзали.

Выбравшись из чащи, Питер Мариц крепко надвинул свою шляпу, пригнулся к седлу и дал волю коню. Скакун помчался стрелой — недаром получил он свое про-

звище. Это была необыкновенно выносливая и резвая лошадь, примечавшая дичь ранее самого охотника и догонявшая не только антилопу, но и страуса.

Между тем наступила ночь. Мириады звезд высыпали на небе, поразительно яркие, сверкающие, какие бывают только в южных странах. В безмолвии ночи ухо юноши ловило дальний вой шакалов, хохот гиен, покинувших свои логовища и выходивших на добычу... Вдруг над равниной пронесся звук, от которого разом все смолкло, а тело Скакуна содрогнулось: это лев зарычал в отдалении. Лошадь кинулась галопом, не сбиваясь все-таки с раз принятого направления, которое Питер Мариц узнавал по звездам. У него только кудри развевались по плечам в вихре стремительного бега, и он крепче прижимался к седлу.

Но вот впереди, в отдалении, мелькнул красноватый свет. Ближе и ближе — и Питер Мариц уже не сомневался, что этот свет исходит от костра. Сердце его радостно затрепетало. Еще минута — и зоркий глаз юноши уловил смутные очертания громадных фургонов с круглым парусиновым верхом, длиннорогих быков и обнесенный веревками загон. Внутри лагеря пылало множество костров, и возле одного из них юноша увидел многолюдное сборище членов своей родной общины. Чутье не обмануло верного Скакуна!

ГЛАВА ВТОРАЯ

Послы Сетевайо. Великан Октав

Подъехав ближе к костру, Питер Мариц заметил среди собравшихся фигуру незнакомого ему человека, которая сразу поразила его. Это был настоящий гигант, резко выделявшийся даже среди крепких и рослых буров. Лицо его, с крупными чертами и высоким лбом, было не

старым, глаза горели огнем, но густая шапка волос на громадной обнаженной голове была совершенно белая, как серебро. Он что-то говорил, и на лицах собравшихся было видно напряженное внимание.

Все это сильно заинтересовало юношу, но он ни на минуту не задержался, а, соскочив с лошади, прямо подошел к брату покойного отца, Клаасу Бурману, сидевшему на земле слева от незнакомца, и, нагнувшись, тихо шепнул ему что-то на ухо. Тот фразом поднялся, и они отошли в сторону.

Выслушав рассказ племянника, Клаас Бурман долго молчал, поникнув головой.

— Погиб Андрей, — произнес он наконец в раздумье. — Какая потеря для тебя, для твоей матери, для всей нашей общины! Это был мужественный и честный бур. Несчастный день... Сегодня же мы лишились и Флитта, и еще трое наших ранено... Ну, пойдем к твоей матери, надо ей сказать.

Они подошли к фургону Андрея Бурмана. Дети — пять мальчиков и три девочки — уже спали, а мать, крепкая, высокая женщина, давала быкам корм. Увидя старшего сына с лошадьёю и ружьем мужа и печальные лица подошедших, она оставила работу и медленно пошла им навстречу. Откинув своими руками с лица Питера Марица длинные золотистые кудри, она молча вглядывалась в его глаза. Крупные медленные слезы потекли по ее лицу — она все поняла.

— Елизавета, — торжественно произнес Клаас Бурман, кладя ей на плечо свою тяжелую руку, — Андрей погиб. Но помни: я брат его, братом я буду и тебе.

Женщина крепко пожала ему руку и обняла сына. Потом она выпрямилась, вытерла слезы и сказала:

— Питер Мариц, Скакун заморился. Делай, что нужно.

Юноша убрал лошадь и затем вернулся к фургону.

Дядя с матерью тихо о чем-то разговаривали. Увидя Питера Марица, дядя поднялся.

— Ну, — сказал он, пожимая руку вдове, — утро вечера мудренее. Пойду на собрание, послушаю приезжего человека. Вся община там.

— Кто он такой? — спросил племянник.

— Я и сам точно не знаю. Слухи о нем давно ходят между бурскими общинами. Говорили, что в нашей республике он появился уже давно, года два, но откуда он к нам попал, неизвестно. Называет себя французом, за что ни возьмется, все умеет делать. Хорошо лечит скот, дает полезные советы и садоводам и хлебопашцам. Его очень ценят и уважают в общинах. Пойдем со мной, если хочешь, послушаем его.

Когда они подходили к собранию, там уже знали о гибели Андрея Бурмана, и потому появление его сына и брата на короткое время привлекло всеобщее внимание. Старейшина общины, баас¹ фан-дер-Гоот, выразил им сочувствие от имени всего собрания.

— Завтра, — обратился он к Питеру Марицу, — ты расскажешь нам подробно, как погиб твой славный отец. А сейчас продолжайте, — кивнул он гостю.

Тот пристально взглянул на Питера Марица, и юноша уловил в его пламенных глазах мягкую, сочувственную ласку, как-то особенно оживлявшую это мужественное лицо. Юноша сразу проникся безотчетным доверием к незнакомцу.

— Вот вам пример, — заговорил тот низким, глубоким басом, — сегодняшние ваши утраты. Вы скотоводы и земледельцы. Зулусы — скотоводы и охотники. Пастбища и земли безграничны. Но ежедневно вы недосчитываетесь кого-нибудь из своих; зулусы, бечуаны, кафры и другие — то же самое. Вы, буры, я знаю, в долгу не остае-

¹ Баас — хозяин.

тес, — добавил он с едва заметной усмешкой. — А кто радуется? Кто потирает руки и втайне смеется над вами и над темными дикарями? Генералы и министры ее величества королевы английской.

Сразу раздалось несколько голосов:

— Верно, верно...

— Это все козни Англии...

— Этому скоро конец...

— Не шумите, господа, — важно остановил всех баас фан-дер-Гоот, подняв руку. — Никто из нас не сомневается, что Англия — главный наш враг. Но можем ли мы сидеть спокойно, сложа руки, когда зулусы или бечуаны подстреливают из-за угла наших братьев, угоняют наш скот, нападают на наших пастухов? Их натравили англичане? Пусть так. Но, когда на нас нападают, мы отражаем... Мы не овцы...

Приезжий собирался что-то возразить, как вдруг все насторожились: из густой тьмы за кострами донесся какой-то шум, голоса людей, и вскоре в кругу, освещенном костром, появился вооруженный бурский дозор, сопровождавший двух чернокожих. Это были голые, с поясами на бедрах, мускулистые люди с гордой осанкой, высоко державшие свои курчавые затейливо причесанные головы. Их длинные ассагаи¹ держали дозорные, сами же чернокожие стояли перед собранием совершенно безоружные.

— Где вы их поймали? — спросил у дозорных фан-дер-Гоот.

— Они обходили вокруг стана, — пояснил старший дозорный. — Мы сразу на них налетели, но они не оказали сопротивления. Мы думаем, что это шпионы.

— Кто вы такие? — сурово спросил пленников баас.

Они ничего не ответили, но жестами показали, что не понимают.

¹ Ассагаи — особого рода копье.

Баас фан-дер-Гоот помолчал немного, потом мрачно произнес:

— Мошенники притворяются. Кто бы их ни подослал, спокойнее всего будет расстрелять этих молодчиков.

Он обвел взглядом собрание. Ему отвечали, кивая утвердительно головой. Участь пленников была решена. Несколько молодых буров окружили их, откуда-то появилась веревка... Но только попробовали связать им руки, как старший из пленников, очевидно поняв, что им грозит смерть, быстрым движением оттолкнул молодого бура, окинул взором окруживших его людей и, точно сделав мгновенно выбор, обратился с быстрой речью к гостю буров, колоссальная фигура и серебряная голова которого резко выделяли его среди всех.

— Что он вам сказал, господин Октав? Ведь вы понимаете по-зулусски, — спросил фан-дер-Гоот.

— Он говорит, что они посланы вождем их, Сетевайо, с предложением прекратить взаимные набеги и опустошения. Он говорит: «Нас теснят англичане. Мы слышали, что и буры с ними враждуют. Мудрый вождь Сетевайо предлагает бурам прекратить распрю, и тогда англичане не посмеют нападать ни на вас, ни на нас».

Баас фан-дер-Гоот недоверчиво усмехнулся и покачал головой:

— Слыхали мы эти песни! Англичане пугают нас зулусами, зулусы — англичанами, а пограбить те и другие охотники... Я все-таки полагаю, что это шпионы и их следует расстрелять.

— Простите за непрошенное вмешательство, — сказал Октав, — но я вам не советую их убивать. Отправьте их в Преторию, пусть ваше правительство с ними поговорит.

— В Преторию? Не-ет. Это чтобы по дороге осмотреть наши лагеря да при случае столкнуться и с англичанами? Нет, спокойнее будет...

— В таком случае отпустите их обратно. Подумайте, баас: если они действительно посланы от Сетевайо, а вы их расстреляете, вражда лишь пуще разгорится. А между тем наступает грозное время. Говорю вам: бурские меткие ружья направлены не в ту сторону, куда надо.

Питер Мариц не сводил глаз с незнакомца. Его внешность, его слова, так напоминавшие ему предсмертный завет отца, еще звучавший в его ушах, гордый, полный достоинства вид пленников, которых готовились расстрелять, — все это поразило его, и он с нетерпением ждал приговора старого сурового бура, всем сердцем желая, чтобы он склонился на сторону Октава...

Баас фан-дер-Гоот долго молча испытующе смотрел на лица чернокожих, которые не дрогнули под этим пронизывающим взглядом, готовившим им смерть. Наконец старый бур нарушил напряженность ожидания:

— Выведите их за черту лагеря и крепко караульте до утра. А сейчас, братья, на отдых.

Рано поутру Питер Мариц был позван к баасу. Ласково, насколько позволял ему суровый характер, принял юношу старый бур, расспросил его подробно об отце, потом, положив ему на плечо руку, сказал:

— Питер Мариц, слушай меня внимательно. Твой отец был один из лучших наших людей, твоя мать — мужественная, достойная женщина. Надеюсь, в своей семье ты не окажешься уродом. Ты уже не мальчик. Мне кажется, что ты парень хороший.

Сердце у Питера Марица забилося от похвалы сурового бура.

— Ты видал этих вчерашних зулусов? — продолжал он. — Они мне подозрительны. Я хотел их прикончить, но чужестранец, господин Октав, меня отговорил. Ему я верю, он всегда на стороне правды и друг буров. Но он и сам может ошибаться. Вот мы с ним и порешили, что черномазых молодцов я отпущу, ты же отправляйся как